
Анна Шиян

**ТРАКТОВКА ОЙГЕНОМ ФИНКОМ
ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ
ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ**

Аналізується розуміння Ойгеном Фінком завдань і особливостей гуссерлевої феноменології і запроваджене Фінком розрізнення «тематичних» і «оперативних» понять. Розглядається оперативне поняття філософування самого Фінка – буття, що зумовлює зміщення інтересу Фінка від гуссерлевої до хайдеггерової феноменології.

Ключові слова: тематичні й оперативні поняття, трансцендентальне, буття.

Анализируется понимание Ойгеном Финком задач и особенностей гуссерлевской феноменологии и введенное Финком различие «тематических» и «оперативных» понятий. Рассматривается оперативное понятие философствования самого Финка — бытие, которое обуславливает смещение интереса Финка от гуссерлевской к хайдеггеровской феноменологии.

Ключевые слова: тематические и оперативные понятия, трансцендентальное, бытие.

Творчество Ойгена Финка условно можно разделить на две части. Первая часть включает работы по разъяснению, интерпретации и критике феноменологии Гуссерля. Ко второй части относятся собственные разработки Финком онтологической проблематики и его исследования бытия человека в мире. Творчество Финка этого периода явно находилось под влиянием М. Хайдеггера. Это деление не является строго хронологическим. Если разработкой онтологической проблематики Финк занимался, в основном, в поздний период творчества, то феноменология Гуссерля приковывает его, пускай не систематическое, внимание на протяжении всей его жизни: с 1928 по 1937 г. он является ассистентом Гуссерля (сначала – штатно, затем – приватно) и публикует ряд исследований по философии своего учителя, после Первой мировой войны регулярно выступает с докладами на феноменологических конгрессах и пишет статьи по феноменологии.

В данной статье мы не будем анализировать VI Медитацию, опубликованную Финком (по данному в свое время совету Гуссерля) в качестве своей диссертации после войны, в которой систематически излагается трансцендентальная феноменология и трансцендентальный метод. Эта работа требует специального внимания и рассмотрения. Настоящий текст можно рассматривать как пропедевтику к такому исследованию.

Здесь мы обратимся к работам О. Финка, посвященным феноменологии Гуссерля («Оперативные понятия феноменологии Гуссерля», «Что хочет феноменология Гуссерля», «Феноменологическая философия Эдмунда Гуссерля и ее критика в современной литературе», «Рефлексия в гуссерлевской феноменологической редукции», «К проблеме онтологического опыта», «Проблема феноменологии Эдмунда Гуссерля» и др.) с целью выявления его понимания, критики и интерпретации феноменологии Гуссерля. Экспликация позиции Финка в отношении философии Гуссерля представляется очень важной и необходимой, так как не только предоставляет возможность зафиксировать предпосылки и не проявленные моменты в феноменологии Гуссерля, но и открывает новый подход к анализу любого философствования.

Соответственно этим моментам данная статья включает в себя две части. В первой части рассматривается финковская экспликация и критика феноменологии Гуссерля. Во второй части речь пойдет, возможно, о самом главном достижении Финка в философии – о различии тематических и оперативных понятий, о различии, которое уже сегодня используется как средство для историко-философского анализа текстов.

1. От трансцендентальной субъективности к бытию мира

Финк придерживается трансцендентальной версии феноменологии Гуссерля и при рассмотрении философии своего учителя опирается именно на нее. Возможно, это потому, что именно в последние годы Гуссерля он в качестве его помощника проводил с ним много времени.

Тем не менее, мы сначала попытаемся найти в работах Финка понимание им задач феноменологии, которое эксплицируется не на трансцендентальном языке. В статье «Феноменологическая философия Гуссерля и ее критика в современной литературе» Финк пишет, что главная проблема феноменологии – это понять мир в его целостности. Понять мир – означает понять его сущность (Wesen), бытие (Sein), первоначало (Ursprung, Anbiginn), основание (Grund). В данном контексте Финк использует (в разных местах этой статьи) эти слова как синонимы и замечает, что этот вопрос является вечным вопросом для человека, на который отвечает миф, теология, философские размышления [4, с. 338]. «Мир, – пишет Финк, – в загадочности и вопрошаемости своего бытия схватывается посредством отношения к «миротрансцендентной» первопричине, мировому началу, богу и т. д.» [4, с. 338]. То есть феноменология, как и другие области культуры, пытается ответить на вопрос, что такое мир.

Хотелось бы обратить внимание на тот факт, что Финк подчеркивает, что основание, сущность мира находится вне мира, является

трансцендентным миру. На первый взгляд, кажется, что для феноменологии эта исходная установка звучит несколько странно. Она противоречит общепринятой интерпретации феноменологии как имманентной философии и идет в разрез с ее лозунгом «к самим вещам», который подразумевает раскрытие «вещей» исходя из них самих, без отсылки к чему-то другому. Может быть, Финк предлагает какое-то свое, особенное понимание феноменологии, которое отличается от «аутентичного» Гуссерлевского варианта? Вовсе нет! Самым простым подтверждением этому служат слова из предисловия Гуссерля к статье Финка «Феноменологическая философия Гуссерля и ее критика в современной литературе» в Кант-штудиум. В нем Гуссерль подчеркивает, что у Финка нет ни одного предложения, которое я (то есть Гуссерль) не мог бы себе полностью присвоить, которое я не мог бы признать как исключительно мое убеждение [4, с. 320].

Попробуем понять с содержательной точки зрения, почему Финк прав. Прежде всего необходимо заметить, что феноменология, как и любая философия, начинается не с редукции, эпохе и с феноменологической установки, а с фиксации исходной проблемы и описания (осознания) этой проблемы. У Гуссерля чаще всего речь идет о конкретных вопросах, на которые мы наталкиваемся в повседневной или научной установках (для феноменологии эти установки равнозначны – как естественная установка, в отличие от феноменологической). Например, это проблема восприятия трансцендентного предмета, непроясненности в логике и т. д. Чтобы решить эти вопросы, надо несколько отстраниться от них, выйти из привычного мира, в котором они функционируют. То есть совершить ту операцию, которую Гуссерль назвал позже эпохе и редукцией. Или в случае с Гуссерлем можно сказать так: Ответ на вопрос Гуссерль пытается найти путем исследования того опыта сознания, в котором эти проблемы нам даны, а для этого надо из этого опыта выйти. Здесь реализуется очень простая мысль: нельзя одновременно думать и рассуждать о том, как ты думаешь; действовать и думать о том, как ты это делаешь. То есть ответ будет находиться вне мира, в котором ты наткнулся на проблемы. Это и означает, что он будет ему трансцендентен.

Можно сказать, что феноменология начинается с фиксации различия между миром и сознанием. В «Логических исследованиях» это различие фиксируется как различие между предметом, значением и актом сознания; в Идеях I Гуссерль обосновывает различие двух видов бытия – бытия вещей и бытия сознания – через различия внешнего и имманентного восприятия. И сознание в феноменологическом понимании (как осознание опыта сознания) вместе с его смыслами всегда трансцендентно миру.

Финк замечает, что именно этим феноменология отличается от неокантианства, где интерпретация проблемы мира остается имманентной миру (с учетом имманентных форм мира) [4, с. 338]. Вероятно, Финк имеет в виду, что в неокантианстве мир является миром, сконструированным субъектом. Априорные формы чувственности и категории рассудка тоже относятся к субъекту, и субъект при помощи их в ходе своей мыслительной деятельности конструирует мир. То есть различие сознания (мышления) и мира, как нечто трансцендентного сознанию, в неокантианстве отсутствует.

Да, в статье «Феноменологическая философия Гуссерля и ее критика в современной литературе», когда ее автор говорит о едином начале мира и т. д., то невольно Финком совершается некая метафизикация феноменологии. Гуссерль занимался, в основном, конкретными «вещами», конкретными проблемами, но все-таки иногда опускался/поднимался до рассуждений о мире в целом. Я думаю, эта линия, идущая от всеобщих систем немецкого идеализма, не является самой интересной в философии Гуссерля. Но в принципе, мысль Финка вполне верна и в отношении к конкретным вещам, которыми занимается феноменология: феноменологом должен тематизироваться переход от повседневного мира в имманентный мир сознания, где и ищется смысл (сущность, первоначало и т. д.) вещей окружающего мира. «Познание (в широком смысле), – пишет Финк, – есть одностороннее отношение одного сущего (в бытийном способе сознания) к другому сущему» [4, с. 358]. «Другим» сущим, через которое понимается все остальное сущее, в феноменологии может выступать лишь сознание. Сознание, понимаемое определенным образом, в поздний период творчества обозначается Гуссерлем как «трансцендентальная субъективность».

Редукция, эпохе и достигаемая в результате применения этих операций трансцендентальная субъективность и есть путь к постижению основ мира. «Всеми способами, истолковывающими постановку задачи “естественно ориентированной” философии, – пишет Финк, – феноменология спрашивает о бытии мира. Но, не захватывая сам мир в бытии, она спрашивает об этом после того, когда она – познавая бытие мира как трансцендентальную значимость – соотнесется с трансцендентальной субъективностью, в жизни которой мир «значим» [4, с. 353–354]. Финк подчеркивает, что вопрос о бытии мира превращается в вопрос о сущности трансцендентальной субъективности. Именно поэтому в этой и других своих статьях Финк пристально и внимательно всматривается в трансцендентальную субъективность, подвергает ее критическому анализу. Мне представляется интересным,

что среди других критических замечаний Финка есть и такие, которые, несмотря на всю корректность и уважительность, с которой они высказываются, ставят под сомнения, хотя и неявным образом, саму возможность трансцендентальной феноменологии достигнуть своей цели, то есть понять мир, исходя не из него самого, а из другого сущего, то есть из сознания. Для пояснения этой мысли рассмотрим в осторожную критику Финка внимательней, привлекая для этого другие статьи, посвященные феноменологии Гуссерля.

Финк обращает внимание на то, что при последовательном проведении линии трансцендентального субъективизма трансцендентальную ноэму приходится трактовать как *сам предмет*, в то время как у Гуссерля есть также утверждения, что ноэма *указывает на предмет*. И то, и другое встречается в «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии». Финк подчеркивает, что ноэму как сам предмет исследует трансцендентальная феноменология, а во втором случае, когда ноэма есть указание на предмет, ее рассматривает трансцендентальная психология. Сам Гуссерль в «Идеях I» не всегда четко и однозначно их разделяет. В этом его упрекает Финк, подчеркивая, что тематика трансцендентальной феноменологии – сам мир как ноэма, а точнее становление мира в трансцендентальной субъективности.

Но если мы, следуя Финку, встанем на позицию жесткой и последовательной трансцендентальной феноменологии, то увидим, что она имеет тотальный характер. Это означает, что ничего, кроме трансцендентального сознания, не существует и стирается принципиальное для феноменологии различие между двумя видами сущего: между сознанием и миром. То есть феноменология становится имманентной философией, похожей на трансцендентализм Фихте и «критицизм» кантианцев, от которого и пытается жестко отгородиться Финк. Но к такому выводу в статье «Феноменологическая философия Эдмунда Гуссерля и ее критика в современной литературе» Финк не приходит. Но в статье «Проблема феноменологии» Финк отмечает определенную наивность Гуссерля, который, по мнению Финка, переносит эйдетический метод исследования сущего на сознание [3, с. 217]. Возможно, здесь Финк косвенно упрекает Гуссерля в имманентизме, подразумевая, что разные типы сущего требуют различных методов исследования, в противном случае их различие не имеет смысла.

Более определенно об опасности последовательного трансцендентализма в феноменологии (мы не утверждаем, что трансцендентализм у самого Гуссерля был последовательным) Финк пишет в работе «Рефлексия в гуссерлевской феноменологической

редукции». В ней Финк обращает внимание на то, что «"сами вещи" "со всеми своими потрохами" принимаются обратно в трансцендентального субъекта» [5, с. 320]. Для Финка это означает, что «сами вещи» являются призраком трансцендентальной субъективности. Или, другими словами, которые, впрочем, сам Финк не произносит, трансцендентальная субъективность сама становится единственным бытием. Это для Финка является абсолютно неприемлемым. Он считает, что выход трансцендентальной субъективности на передний план во многом обусловлен непроясненностью понятия бытия у Гуссерля. В работе «Рефлексия в гуссерлевской феноменологической редукции» Финк обращает внимание на то, что понятие «бытие» неявно присутствует у Гуссерля и в Генеральном тезисе естественной установки, и в лозунге «К самим вещам», но Гуссерль его не проясняет [5, с. 306].

Чтобы понять, насколько обоснованы претензии Финка к Гуссерлю, необходимо разобраться со значениями слова «бытие». Дело в том, что «бытие» у Гуссерля не несет никакой особой нагрузки, означает просто «существование» и в этом своем значении не требует никакого дополнительного прояснения. И когда Финк повторяет вслед за Гуссерлем (в разных вариантах), что феноменология возвращается к бытию мира и т. д., то у последнего «бытие» играет лишь техническую роль (также как и в лозунге «К самим вещам», если оно там вообще подразумевается). Главная задача Гуссерля – конституировать, усмотреть не просто существование «самих вещей», а их суть, что они сами есть такое. Видимо, то, что поиски «бытия» для Гуссерля не принципиальны, понимал и сам Финк. Так, в статье «Рефлексия в гуссерлевской феноменологической редукции» он пишет: «Если темное имя «бытия» ничего другого не означает, кроме законности полагающего субъекта, кроме «тетического характера» предмета для сознания, то только тогда может быть с помощью «эпохе» открыт размер изначальности» [5, с. 320]. То есть, по мнению Финка, никакого Бытия с большой буквы феноменология Гуссерля достигнуть не может. Мы добавим, и не стремится.

Сам Финк ставит акцент на понятии «бытие», сначала очень осторожно, почти незаметно (в статье «Феноменологическая философия Эдмунда Гуссерля и ее критика в современной литературе»), а потом все настойчивее и настойчивее, видимо, находясь под влиянием Хайдеггера. Но что же Финк понимает под бытием? Четкий ответ на этот вопрос он не дает.

Но как же соотносить стремление Финка вслед за Гуссерлем создать строго трансцендентальную философию с его убеждением в том, что до конца проведенный трансцендентализм не оставляет нам возможности непосредственно приблизиться к бытию, поскольку в этом случае бытие

будет лишь тенью трансцендентальной субъективности. И, кажется, из-за опасности имманентизма, когда все есть лишь трансцендентальное сознание, Финк готов отказаться от трансцендентализма и заняться непосредственным исследованием бытия, без исследования опыта сознания, в котором оно дается. Это означает, по сути, отказ исследовать одно сущее с помощью другого сущего, то есть это есть отказ от провозглашенного им основного принципа феноменологии. Как объяснить эти интенции в философии Финка? Мы сделаем рискованное предположение, что на формирование Финка особое влияние также оказала немецкая классическая философия (а не только феноменология Гуссерля) с всеобщими и всеохватывающими понятиями, такими как дух, разум, Абсолют и др. Так, например, в работе «Что хочет феноменология Гуссерля» Финк формулирует задачи феноменологии, в основном, на языке немецкой классики: он говорит о феноменологии как о самоосмыслении духа, о движении разума, о необходимости поиска сущности субъективного духа и т. д. Конечно, Гуссерлю тоже не чужд этот язык, но все же он его пытается вписать в свое понимание философии, но не наоборот, что иногда можно наблюдать у Финка.

Может быть, это объясняет тот факт, что в феноменологии Гуссерля заложены возможности избежать любого вида имманентизма. И в связи с этим, то, за что осторожно критикует Финк Гуссерля в статье «Феноменологическая философия Эдмунда Гуссерля и ее критика в современной литературе», нам представляется скорее сильной стороной основоположника феноменологии. Так, то, что Финк называет вслед за Гуссерлем феноменологической психологией, как раз и позволяет удержать два вида сущего: трансцендентальное сознание и предмет, к которому оно относится. Возможно, удержать два вида сущего в ходе описания опыта сознания в феноменологической установке Гуссерлю помогает внимание к понятиям обыденного опыта, которые отсылают нас к миру естественной установки. Например, при рассмотрении восприятия вещи в лекциях «Вещь и пространство» и др. работах Гуссерль пишет об изменении оттенков в окраске вещи, говорит о восприятии переднего и заднего плана, о восприятии поверхности вещи, ее формы, окружающих ее предметов и т. д. Все это и многое другое (например, отсутствие ясного разграничения между трансцендентальной феноменологией и феноменологической психологией в Идеях I. Это утверждает Финк в статье «Феноменологическая философия Гуссерля и ее критика в современной литературе» и посвящает этой проблеме несколько страниц. И Гуссерль со всем абсолютно согласен. – См.

предисловие к этой статье) позволяет утверждать, что Гуссерль так и не стал строгим трансценденталистом.

2. Трансцендентальные и оперативные понятия

В трансцендентальной феноменологии Гуссерля Финк обнаруживает «непроясненные понятия», он их называет «оперативными понятиями» [2]. Это понятия, которые философ постоянно использует в своей работе, но при этом их не разъясняет. Они всегда остаются в тени. В отличие от оперативных, в тематических понятиях выражается содержание конкретной философии, фиксируется мысль философа. Оперативные понятия – это понятия, используемые для образования и проявления тематических понятий. Оперативные понятия фиксируют принципы конкретного философствования, его предпосылки; характеризуют само понятийное поле данной философии. Важно обратить внимание на тот момент, что оперативные понятия, анализируемые Финком, можно понимать не только как непроявленные предпосылки конкретного философствования, но и как мыслительные средства философа, за которыми стоят определенные способы мышления. Оперативные понятия есть ответ на вопрос «как» мыслит философ, в отличие от тематических, характеризующихся вопросом «что» говорит мыслитель. То, что средства мышления не рефлексуются самим философом, отнюдь не умаляет их значения, считает Финк. И даже наоборот, оперативные понятия – это самое интересное и важное в философии. С этим легко можно согласиться: философия Платона, Декарта, Канта, да и любого другого творца (по выражению Финка), не обязательно философа, сейчас для нас интересна прежде всего своим методом мышления, своим способом рассуждения и рассмотрения проблем, и в меньшей степени – своим содержанием, которое со временем все равно в какой-то мере устаревает.

Особое место по отношению к оперативным понятиям, по Финку, занимает феноменология Гуссерля. Одна из задач Гуссерля – выявление предпосылок в человеческом сознании, действующих в ходе восприятия окружающего мира. Для этого он направляет свой взор на само сознание и понятийно выражает то, над чем мы раньше не задумывались, но что всегда присутствует в нашем опыте. То есть на языке Финка можно сказать, что Гуссерль проявляет оперативные понятия, которыми мы пользуемся в обыденной жизни. Гуссерль пытается описать, как мы осознаем, воспринимаем, слышим, видим и т. д. Для осуществления этой своей задачи Гуссерль сам использует такие методы (или мыслительные средства) как редукция, эпохе, переход из естественной установки в трансцендентальную, которые сам понятийно фиксирует и подробно

описывает. Поэтому они являются одновременно и предметом его исследования, и средством достижения поставленных целей, в том числе и цели их описания, то есть являются одновременно и тематическими, и оперативными понятиями.

Хотелось бы обратить внимание, что главной причиной непроясненности «оперативных понятий» Гуссерлем для Финка является то, что Гуссерль, по его мнению, не смог достаточно долго удержаться в трансцендентальной установке и не создал специальной трансцендентальной логики и трансцендентального языка. С точки зрения Финка, они бы сняли все противоречия, к которым ведет непроясненность оперативных понятий, и тогда понятия обыденного языка не вклинивались бы в феноменологическое описание опыта, внося в него явную неоднозначность. Так, например, снялось бы противоречие в понимании феномена как самораскрытия вещи и феномена как данности сознания, в понимании конституирования и исполненной работы как конституирования и как усмотрения данности. Видимо, Финк считает, что мышление на трансцендентальном языке и с помощью трансцендентальной логики дало бы возможность философствовать вне этих классических дихотомий. По Финку получается, что метафоры, используемые в философском описании и взятые из обыденного языка¹, надо не только распознать как метафоры, но и совсем убрать, заменить их на трансцендентальные выражения, не имеющие ничего общего со сферой обыденного опыта. Эту мысль подтверждает также высказывание Финка о своеобразной закрытости трансцендентального языка [4, с. 177].

Однако существуют и другие пути прояснения трансцендентальных понятий. На один из них указал В. И. Молчанов [1, с. XXII–XXIII]. Речь идет об использовании в феноменологическом описании понятий, более адекватных нашему опыту сознания. Я думаю, здесь речь идет об описании конкретного опыта с помощью свойств и характеристик предмета этого опыта, которые мы в обыденной установке не замечали, но которые проявляются в феноменологической установке, при более пристальном всматривании. Не случайно в поздний период творчества Гуссерль много пишет о соотносительности «трансцендентального опыта» с психологическим (в гуссерлевском смысле) опытом сознания: в «Амстердамских докладах», в статье «Феноменология» для Британской энциклопедии и т. д. Это говорит о понимании невозможности осуществить описание опыта сознания только на трансцендентальном языке и о необходимости учитывать два языка описания.

Финк же в статьях, посвященных феноменологии Гуссерля, предпочитает говорить об «опыте бытия», но в силу непроясненности самого бытия,

также становится непонятен и язык, на котором может быть описан его опыт. Тем не менее, на что мы уже обратили внимание в начале статьи, сам Финк формулирует задачи феноменологии в том числе на языке, близком к повседневному опыту (он говорит о понимании окружающего мира и пр.), хотя в работах о Гуссерле он пытается этого избежать.

К сожалению сам Финк не оценил важность собственного различения оперативных и тематических понятий. В статье «К проблеме онтологического опыта» Финк утверждает, что главная задача философии – мышление бытия, а отнюдь не прояснение оперативных понятий [7, с. 133]. То есть Финк отказывается от рефлексии над собственным (или чьим-то другим) мышлением и предпочитает мыслить. То есть он выбирает философствовать самому, а не рефлексировать над философствованием (неважно своим, или чужим). Но ведь рефлексия над собственными предпосылками и над собственным сознанием – неотъемлемая черта феноменологии. Значит ли это, что Финк теперь окончательно от нее отвернулся? Однако не все так просто. Маркировка Финка как отступника от феноменологии Гуссерля не может быть однозначной и окончательной. Это не позволяет сделать один из принципов феноменологии, а именно, о необходимости различия между высказанными философом мыслями и тем, как они реализуются в конкретной философской работе. В отношении Финка это означает, что нельзя смешивать принципы, которые он декларирует, говоря о бытии, и то, как он их осуществляет в своих работах. То есть, чтобы разобраться, как Финк осуществляет мышление бытия, является бытие у самого Финка оперативным или тематическим понятием, надо обратиться к работам его позднего периода: «Существование и сосуществование» («Existenz und Coexistenz»), «Мир и конечность» («Welt und Endlichkeit»), «Основные феномены человеческого вот-бытия» («Grundphänomen des menschlichen Dasein») и др. Но это тема совсем другого исследования.

Примечания

¹ Финк считает, что в естественной установке мы также используем понятие «феномен»: Там оно обозначает, прежде всего, саму себя показывающую вещь, вещь (Ding) в своем явлении». Кроме того, Гуссерль использует метафору потока (поток сознания), говоря о сознании-времени. Да и сам лозунг «К самим вещам» – это тоже метафора, вполне встречающаяся в обыденном языке (а в русском она употребляется в виде выражения «суть дела»). Эпохе тоже можно понимать как метафору, ведь его точный перевод – задержка, остановка. Именно в таком значении это слово использовалось (а может, и сейчас используется) в обыденном греческом языке. Гуссерль нагружает эпохе новыми значениями. Я,

считаю, что выражение акт сознания – тоже метафора, так как никакого отдельного акта сознания выделить невозможно.

1. Молчанов В. И. Трансцендентальный опыт и трансцендентальная наивность в «Картезианских медитациях» Эдмунда Гуссерля // Гуссерль Э. Картезианские медитации. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – С. IX–XXX.
2. Финк О. Оперативные понятия в феноменологии Гуссерля // Ежегодник по феноменологической философии. – М.: РГГУ, 2008. – С. 361–381.
3. Fink E. Das Problem der Phänomenologie // Fink E. Studien zur Phänomenologie. 1930–1939. – Den Haag, Verlag Martinus Nijhoff, 1966.
4. Fink E. Die phänomenologische Philosophie Edmund Husserl in der gegenwärtigen Kritik // Kant-Studien, XXXVIII, Berlin, 1933.
5. Fink E. Reflexionen zu Husserls Phänomenologischer Reduktion // Fink E. Nähe und Distanz. Freiburg/München, Verlag Karl Alber, 1976.
6. Fink E. Was will die Phänomenologie Edmund Husserls? // Fink E. Studien zur Phänomenologie. 1930–1939. Den Haag, Verlag Martinus Nijhoff, 1966.
7. Fink E. Zum Problem der ontologischen Erfahrung // Fink E. Nähe und Distanz. Freiburg/München, Verlag Karl Alber, 1976.